

УДК 811.161.1'374:367.623

Хуторцова М. І.

«КРЕСТ СВЯТОЙ ВЕРЫ» – КОНСТАНТА РУССКОГО ЛИНГВОМЕНТАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

Статья посвящена рассмотрению концепта-конструкта «Крест» в русской фразеологии. Внимание обращается на этимологию исследования понятия, рассматриваются попытки выявить признаки, формирующие стереотипные образы в русской ментальности. Анализируется этимология концепта-конструкта «Крест», аргументируется утверждение, что концепт-конструкт «Крест» связан с концептами «Небо» и «Земля». В тексте статьи называются семантические особенности концепта «Крест», обосновывается его отношение к понятиям «Молиться» и «Просить». Доказывается, что концепт-конструкт «Крест» входит в систему базовых общечеловеческих понятий.

Ключевые слова: концепт, конструкт, крест, небо, земля, общечеловеческий, понятие, этимологический анализ, значение, мир, культурологический.

Хуторцова М. І. «Хрест святої віри» – константа російського лінгвоментального простору. – Стаття.

Статтю присвячено розгляду концепту-конструкту «Хрест» у російській фразеології. Увагу звернуто на етимологію дослідження поняття, розглянуто спроби виявити ознаки, що формують стереотипні образи в російській ментальності. Проаналізовано етимологію концепту-конструкту «Хрест», аргументовано твердження, що концепт-конструкт «Хрест» пов'язаний із концептами «Небо» й «Земля». У тексті статті названо семантичні особливості концепту «Хрест», обґрунтовано його відношення до понять «Молитися» та «Просити». Доведено, що концепт-конструкт «Хрест» входить у систему базових загальнолюдських понять.

Ключові слова: концепт, конструкт, хрест, небо, земля, загальнолюдський, поняття, етимологічний аналіз, значення, світ, культурологічний.

Khutortsova M. I. Concept “Cross” as an absolute symbol of Russian mental space. – Article.

The article is dedicated to the concept-construct “Cross” in Russian phraseology. Attention is drawn to the study of etymology of the concept and its correlation with the other absolute symbols. We analyze the semantics of the concept-construct “Cross”, and also examine how the concept “Cross” is connected to the concepts “Heaven” and “Earth”. The text of the article shows semantic features of the concept “Cross” and its correlation with the concepts of objective reality. We prove that the concept-construct “Cross” is in the system of basic mankind concepts.

Key words: concept, construct, cross, heaven, earth, mankind, etymological analysis, meaning, world, cultural.

Крест – главный символ христианства – восходит своими корнями к древнейшей истории человечества. Задолго до возникновения христианства крест выступал и в роли оберега. Крест включает в себе смысл, который структурируется глубинными образами. Цель статьи – описать лингвоментальный национально-культурный компонент «Крест», реализованный в русских поговорках. Задача – проанализировать концепт-конструкт «Крест» и его амбивалентно структурируемые компоненты. Анализировать коннотированные образы без обращения к известной молитве, которая называется «Молитва Честному и Животворящему Кресту», не представляется возможным: «Кресте Честный, хранитель души и телу буди ми: образом своим бесы низлагая, враги отгоняя, страсти упражняя и благоговение даруя ми, и жизнь, и силу, содействием Святого Духа и честными Пречистия Богородицы мольбами. Аминь» [8].

Рассматриваемый ментальный конструкт несёт в себе глубинные структурированные образы Животворящего Креста, который вербализуется знаками как положительной, так и отрицательной коннотации. Привлекает внимание в данном конструкте слово «Животворящий», который надо понимать как созидающий, творящий жизнь. В небольшом сконцентрированном «общечеловеческом Слове» сфокусированы метафорические образы Бога, который в своей руке (длани) дер-

жит силу, способную остановить и сокрушить зло, дарить жизнь, радовать добром, вселить веру, надежду, любовь. Другими словами, это сила, которая творит жизнь. Структурированное «Слово» вербализуется молитвой, в сжатой форме которой раскрываются глубинные ментальные поля значений и смыслов. И в этом аспекте стоит отметить, что форма «Слова», молитвы как канонического текста, обращённой к Богу, Богородице, сосредоточила в себе сжатый текст культуры.

Слово «молиться», сосредоточившее в себе тот же корень, что и «молитва», этимологически восходит к корню, который структурирован значением «просьба». М. Фасмер в этимологическом словаре, рассматривая слово «молиться», пишет, ссылаясь на данные Э. Бенвениста, А. Мейе, А. Вайана, Х. Педерсена, Р. Траутмана, И. Фридриха, что родственно оно «литовскому *malda* «просьба», *maldyti* «умолять», «хеттскому *maltai* «просить, говорить», армянскому *maltem* «умоляю», древневерхненемецкому *meldon* «заявлять, докладывать» [12, с. 642]. Внутренняя форма данного слова, согласно указанному словарю, структурируется такими значениями: «просить», «говорить», «умолять». Можно допустить, что слова «молить», «мольба», «молиться», «молитвенник», «молитва» мотивированы корнем *малд или *малт, который, по всей видимости, вербализуется со значением и смыслом «мольба», «просьба», выраженные «Словом».

Описывая и анализируя глубинную природу молитвы, нельзя не обратиться к богословской литературе. Привлекает точка зрения священника Г. Чистякова, которую он раскрыл в статье «Иисусова молитва». В данной статье поднимается проблема вербально и невербально высказанной молитвы в православии. Цитируя произведения А.Ф. Лосева «Диалектика мифа», Г. Чистяков соглашается с философом-богословом относительно того, что беседа с Господом возможна «только в молитве»: «*Общение с Богом в смысле познания Его возможно только в молитве, только молитвенно можно восходить к Богу, и немолчаливый не знает Бога*» [15]. Такая молитва, согласно мысли цитируемого автора, «перестает быть прошением, основанном на принципе *«Бог всегда восхождает, изменяется естества чин»*, как говорится в одном из тропарей Покаянного канона, но становится актом погружения в неизмеримые глубины милости Божьей и слияния моей или, шире, нашей воли с Его волею по принципу *«да будет воля Твоя»*» [15].

Вызывает интерес этимология слова «молитва», принятая в богословской литературе. Согласно данным священника Г. Чистякова, «молитва» структурируется смыслом «прошение о милости», который вербализуется выражением *«Господи, помилуй»*, или *«Помилуй меня, Боже»*. Священнослужитель обращает внимание на тот факт, что человека, посещающего церковь, привлекает *«не богослужение с его величественной красотой, не таинство евхаристии, которое, казалось бы, объединяет человека с Богом в единое целое, а именно исповедь, страстное желание покаяться и просить о помиловании «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня»*. При этом, как обнаружили старцы, именно эта молитва, такая краткая и, казалось бы, ничего особенного из себя не представляющая, удивительным образом соединяет человека с Христом» [15]. Привлекает греческое слово *εὐχαρίσμοι* (евхаристия), которое переводится как «благодарение», «благодарность», «признательность», мотивируется внутренней формой греческих слов *εὖ* – «добро», «благо» и *χαρίς*. Указанные слова структурируются значениями «почитание», «честь», «уважение», «благодарность», «признательность», «воздать благодарность», «благодарение». Слово с той же основой *εὐχαρίσμοι* И. Х. Дворецкий переводит как «милостиво давать, даровать» [2].

Произнося молитву, человек не только просит, но и благодарит Бога, имя которого для него является «Любовью», «Силой», «Светом», «Миром», «Милостью». Слова эти, согласно молитве «Святого праведного Иоанна Кронштадского», принадлежат ему же. Взывая к Господу, прося помощи и помилования, он говорит: *«Имя Тебе – Любовь: не отвергни меня заблуждающегося; Имя Тебе – Сила: укрепи меня изнемогающего*

и падающего; Имя Тебе – Свет: просвети душу мою, омраченную житейскими страстями; Имя Тебе – мир: умири мятущуюся душу мою; Имя Тебе – Милость: не переставая миловать меня» [6, с. 417]. Для тех, кто понимает силу «Слова», молитва является тем глубинным символом, который успокаивает сердце, умиротворяет, укрепляет в «Вере», «Надежде», «Любви».

Отсюда – и паремии с коннотированной обреченностью: *Сладость молитвы; Услаждающее сердце; Молить Бога; Просить милости у Бога*. Молитвы читают, произносят. Различают такие: поминальная, покаянная, православная, пятничная и т. д. Пословицы с глубинным смыслом веры, надежды, любви (*«Отче наши», да спасает; Материнская молитва со дна моря вынимает*) вбирают в себя глубинные смыслы. Сила молитвенного слова и символический смысл «Креста» вербализуются в таких пословицах: *Без креста и молитвы не будут ловитвы; Свет в храме от свечи, а в душе от молитвы; С молитвой в устах, с работой в руках*.

Г. Чистяков, ссылаясь на утверждения отца Сафрония, пишет «самодвижная молитва действует как вдохновение Свыше, услаждающее сердце» [15]. Представляют интерес слова ученика С. Саровского А. Некрасова, который, связывая молитву с именем Иисуса Христа, сравнивает имя Господа с бриллиантом, который *«...не угасает никогда в сердце твоём. Бдительное внимание к молитве, как жемчужина, пусть будет единственным украшением души твоей»*. В этой цитате обращает на себя внимание особое отношение к самому имени Иисуса. Для народного мистика очень важно, что само имя Иисуса – это уже святыня. Оно подобно нерукотворенной иконе, которая всегда находится в сердце молящегося» [15]. В ракурсе данной проблемы представляет интерес и изречение старца Силуана о Святом Духе и его воздействии на человека: *«Дух Святой очень похож на мать, на мать милую, родную. Мать любит дитя свое и жалеет его, так и Дух Святой жалеет нас, прощает, исцеляет и вразумляет, и радуется, а познается Дух Святой во смиренной молитве»* [15]. Указанные выше конструкты «Слово», «Бог», «Дух Святой», «Богоматерь», «Вера», «Надежда», «Любовь», «Милость», «Спасение» структурируются и объективируются во внутренней форме концепта «Крест». Молитвенное «Слово», которое вербализуется смыслом спасать, миловать, заставлять верить, надеяться, любить, сконцентрировано в духовном составляющем (молитве), объективируется материальным символом («Крестом»).

«Крест», согласно данным толковых словарей В. Даля, А. Евгеньевой, Д. Ушакова, Т. Ефремовой, вербализуется значением «предмет христианского культа» [1; 10; 11; 3]. Крест – символ,

который объективируется в значениях, которые определяются С. Ожеговым как «молитвенный жест рукой ото лба к груди, правому и левому плечу, изображающий такую фигуру <...> Страдания, испытания» [5, с. 305]. Идиомы *нести крест, поставить крест* структурируются такими смыслами: «выпала на долю тяжелая судьба», «испытывать страдания», «положиться на судьбу, ничего не предпринимая», «не верить в положительный исход, так как всё предопределено судьбой». Концепт-конструкт «Крест» является амбивалентным по своей природе, символизирует не только «Смерть», но и «Жизнь». На кресте, согласно представлениям людей, был распят Иисус Христос, который искупил грехи человеческие, ценой своей жизни во имя будущего и «Жизни». *Искупить вину, искупить грехи* – выражения, которые несут смысл, согласно которому искупить – простить, заслужить прощение. Искупить вину и заслужить прощение, по представлениям людей, можно, если не совершать противоестественное, греховное, злое.

Основными конституентами рассматриваемого концепта-конструкта являются «Добро» / «Зло» и их структурные компоненты. Внутренняя форма слова «крест», согласно исследованиям М. Фасмера, восходит к словам со значениями «Христос», «крещение». Данное слово, как полагал М. Фасмер, является заимствованным из церковнославянского языка, в древнерусском и старославянском языках употреблялось как *крѣсть*, в болгарском – *крѣст*; словенском – *krst*, род. п. *krsta* («крещение, крестины»); словацком – *krst*; польск. – *chrzest*, род. п. *chrztu*, диал. *krzest* («крещение») [12, с. 374]. Указанный автор писал, что первоначально «*крѣсть* означало «Христос» и произошло из древневерхненемецкого *krist*, *christ*. Вероятно, затем появилось значение «распятие» (лат. *crucifixus*), откуда и возникло знач. «крест» <...> Более далекие в фонетическом отношении лат. *Christus*, греч. *Χριστός*. <...> заимствование из готского *christus* <...> а также местное новообразование *крѣсть* («крещение») от *крѣстьjaninъ* <...> Из русского заимствованы финским *risti* («крест»), эстонским *rist*, латышским *kristis*, *krusts* (-и- под влиянием латинского *cruis*) <...> недопустимо в фонетическом отношении...» [12, с. 374].

Считаем, что внутренняя форма анализируемого концепта-конструкта структурируется также значением «кровь». Для подтверждения данного утверждения обратимся к этимологии этого слова. Согласно традиционно принятой этимологии концепт «Кровь» восходит к пр.-слав. *krěy*, род. п. *krěve*; родственно лит. *kraūjas* («кровь»), др.-прусс. *krawian* («кровь»), др.-инд. *kravīś* («сырое мясо»), авест. *χrū-*, вин. ед. *χrūm* («кусочек кровавого сырого мяса»), греч. *χρέας* («мясо»), лат. *Cruor* («загустевающая, текущая из раны кровь»), др.-инд. *Krūrās*

(«кровавый»), авест. *Xrūra* («кровавый, жестокий») [12, с. 379]. Слова «кровь» и «убийца» «содержат в себе один корень, слова *kravis* и *kravyam* с санскрита переводятся как «сырое мясо», *krūrās* – «кровавый, раненый, страшный» [7, с. 387]. Описанное не противоречит не только тому, что символ креста связан с образом Бога, искупившего грехи своей «Кровью», но и с тем, что в символически структурированном образе «Креста» заложен дуализм природы, «скрытая мудрость, вечная жизнь, ключ к тайнам жизни» [9].

Считается, что «Крест» является универсальным символом, признаётся центром мира, точкой сообщения между *Небом* и *Землей*, подтверждая союз Неба и Земли. Необходимо отметить, что существует модификации креста. Наиболее распространенными являются три: 1) напоминающий букву «Г» (греческую «тау»); 2) тау-крест (сверху увенчанный петлей) – это древний египетский символ жизни, именуемый «анкх»; 3) крест, который ассоциируется с распятием Иисуса, однако у такого креста существуют свои разновидности. Например, у восьмиконечного православного креста нижняя крестовина, означающая опору для ног, может быть как прямой, так и скошенной. На католических изображениях крест нередко как бы вырастает из сердца, пылающего огнем милосердия.

Существует точка зрения, согласно которой «Крест» как символ «Неба и Земли» возник гораздо раньше христианской веры. Христианские монахи-миссионеры, побывав в разных странах, были потрясены, когда нашли очень древние изображения креста. В древнеегипетских, финикийских, вавилонских и греческих храмах языческие божества изображались с крестами на груди, на шее, в руках. Древнегреческий Зевс восседал на троне в богатой одежде, расшитой крестами. Шкура священного быка Аписа в египетском храме состояла из сплошной сети крестиков. Еще в эпоху палеолита люди схематически изображали крестом летящую в небе птицу. В ассирийской клинописи небо так и изображалось – знаком креста [9].

Исследователи сходятся на мысли, согласно которой встречающиеся на древних лодках, топорах и камнях изображения диска с крестом было символом карающего и милующего Неба. Приводятся примеры, в которых описываются факты: тибетцы, например, и сейчас изображают небо в форме креста, а Тау-кресткаббалистов также является символом Неба. В специальной литературе отмечается, что у многих народов еще в палеолите крест обозначал четыре стороны света. Крест-птица в этом случае символизировал четыре стороны земного мира; огненная птица – бог преисподни – поднималась в небо. Крест, изображенный в квадрате, в китайской традиции являлся символом земли и стабильности [16, с. 80].

Как видно из изложенного, символы «земли» и «неба» соединяются «Крестом», который вбирает в себя глубинные коннотированные смыслы: всё живое на «Земле» находится под неусыпным взглядом «Неба», тайна которого вызывала священный трепет. «Небо» в представлении человека было чем-то недостижимым, тревожным, непонятным, возможно, отсюда и метафорический образ, который структурируется внутренней формой. «Небо» восходит к форме *nebos [14, 563; 4, 57;]. Авторы этимологического словаря украинского языка пишут: «Споріднене з дін. nbhas – «туман, хмара, повітряний простір, небо», гр. νέφος, дірл. nem, кіпр. nef, хет. nepiš <...> debesis «хмара», лтс. debesis <...> debess «небо» (d з'явилося, очевидно, під впливом іншого слова, пор. лит. dangus «небо»), а також (з розширенням на -l-) з гр. νεφέλη «хмара», лат. nebula «туман, хмара», двн. nebul «туман», нвн. nebel <...> дангл. nifol «тёмній», дісл. nifl «тьма», п'їл «ніч», іє nebhos «туман. хмара»; розглядається <...> як утворення із заперечної частки pe- і основи -bhos- «сяючий» [4, с. 57]. Отноительно данного слова П. Черных писал, что «произношение e заставляет полагать, что это слово книжное по происхождению, церковнославянское» [14, с. 563]. «Небо», согласно описанному выше, – это то, что является святым,

где вершат суд над правдой/ложью, праведным/неправедным, святым/грешным.

Выводы. Из изложенного выше следует, что концепт-конструкт «Крест» в лингвокультурном пространстве русского человека занимает ведущее место в ряду концептов, поскольку является одним из структурных компонентов «Вера», которая рассмотрена, проанализирована и описана ранее [13, с. 115]. Конструкты-концепты «Крест» и «Вера» тесно связаны между собой: переходя один в другой, они, на наш взгляд, являются одними из базовых национально-культурных компонентов русского лингвоментального пространства. «Крест», как и «Вера», структурируется такими базовыми концептами-конструктами, как «Добро», «Зло», «Бог», «Надежда», «Любовь», «Милость», «Спасение», «Кровь», которые являются основными структурирующими компонентами концепта-конструкта «Родная Земля». Указанные концепты-конструкты были и остаются предметом нашего дальнейшего изучения. Концепт-конструкт «Крест» можно охарактеризовать как сложно структурированный и амбивалентный, так как он вобрал в себя знаки положительной и отрицательной коннотации. Анализируемый конструкт репрезентирует глубокие по смыслу и значению концепты «Небо» и «Земля».

Литература

1. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка / В. Даль ; совмещ. ред. изд. В. Даля и И. Бодуэна де Куртенэ ; науч. ред. Л. Беловинский. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2009. – 573 с.
2. Дворецкий И. Большой древнегреческий словарь / И. Дворецкий [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://dicipedia.com/dic-gr-ru-old-term-18310.htm>.
3. Ефремова Т. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / Т. Ефремова. – М. : Дрофа ; Русский язык, 2000. – 1233 с.
4. Етимологічний словник української мови : у 7 т. / ред. кол. О. Мельничук, Р. Болдирев та ін. – К. : Наукова думка, 1982–2012.
5. Ожегов С. Толковый словарь русского языка: около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С. Ожегов ; под ред. Л. Скворцова. – 26-е изд., испр. и доп. – М. : Оникс, 2009. – 1359 с.
6. Полный православный молитвослов на всякую потребу. – 2-е изд. стереотип. – Краматорск, 2009. – 656 с.
7. Преображенский А. Этимологический словарь русского языка / А. Преображенский. – М., 1958. – 420 с.
8. Сборник молитв. Молитва Честному и Животворящему Кресту. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://oz-krestovozdvig.prihod.ru/molitvoslov/view/id/1116249>.
9. Словарь символизма [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://tolkslovar.ru/k11132.html>.
10. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. Евгеньевой ; Ин-т рус. яз. АН СССР. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Русский язык, 1981. – 4059 с.
11. Ушаков Д. Большой толковый словарь современного русского языка: 180 000 слов и словосочетаний / Д. Ушаков. – М. : Альфа-Принт, 2008. – 1239 с.
12. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка = Russisches etymologisches Wörterbuch : в 4 т. / М. Фасмер ; пер. с нем. и доп. О. Трубаева. – 2-е изд., стереотипное. – М. : Прогресс, 1986.
13. Хуторцова М. «Вера – ментальный конструкт русского лингвистического пространства» / М. Хуторцова, Д. Амичба // Філологічні науки (Мовознавство) / Науковий вісник східноєвропейського національного університету імена Лесі Українки. – Луцьк : Світязь, 2013. – № 17. – С. 113–117.
14. Черных П. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. / П. Черных. – 3-е изд. стереотип. – М. : Русский язык, 1999. – 1181 с.
15. Чистяков Г. Иисусова молитва / Г. Чистяков [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://damian.ru/Actualn_tema/Chistakov/jesuspray.html.
16. Шейнина Е. Энциклопедия символов / Е. Шейнина. – М. : ООО «Издательство АСТ», 2001. – 120 с.